

**Администрация Костромского муниципального района
Отдел по делам культуры и молодежи**

РЕФЕРАТ

**«БЫТ, УКЛАД СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В КАНУН И ВО ВРЕМЯ ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941-1945 г.»
в рамках региональной научно-практической конференции
«Дорогами народных традиций»**

**Обобщение материала – Никерина Ольга Николаевна
Директор СДК пос.Прибрежный**

**г.Кострома
2006г.**

Настоящая работа представляет собой результат коллективного творчества работников 8 сельских Домов культуры Костромского района: Ильинского, Коряковского, Петриловского, Прибрежненского, Сандогорского, Середняковского, п.Фанерник и молодёжно-досугового центра п.Никольское.

Они проводили опрос жителей сёл и деревень, руководствуясь специально разработанным опросником. Работа проводилась в течение осени 2004 г.- весны 2005 г. и посвящена 60-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Всего в сборе информации приняло участие 9 авторов, были опрошены 31 человек, которые в годы войны проживали на территории Костромского, Красносельского, Мантуровского и Судиславского районов нынешней Костромской области. Также опрошено 8 человек, проживавших в военное время на территории других регионов страны. Их воспоминания представляют не меньший интерес и даны в приложении. В приложение включены также наиболее полные и интересные ответы информаторов по предложенному опроснику, стихи местных поэтов о войне.

Всё дальше и дальше в прошлое уходят от нас годы Великой Отечественной войны. Мы ещё далеко не всё знаем о том времени, а очевидцы былого уходят от нас навсегда, и с ними – реальность событий тех дней.

В год 60-летия Победы трудно рассчитывать на получение большого количества подробных сведений о жизни в те военные годы, т.к. приходилось иметь дело с людьми, возраст которых либо приближается к 80-ти годам, либо уже перешёл этот рубеж. Естественно, что многое уже стёрлось в памяти: слова песен и частушек, какие-то конкретные названия. Но тем не менее нам удалось собрать интересный материал, который существенно пополняет наши знания о тяжёлом военном времени, позволяет по-новому взглянуть на жизнь и быт поколения, чья молодость пришла на суровые годы войны.

Мы постарались сохранить самобытность речи многих информаторов, что делает их воспоминания более живыми и эмоциональными.

Главное значение этой работы в том, что она содержит конкретный фактический материал, привязанный к определённой местности. Это позволяет представить картину жизни в годы войны именно в данном населённом пункте, что интересно для людей, живущих там сейчас. Если же говорится о другом районе, то всё равно рассказывает известный в деревне или селе человек, что придаёт рассказу большую достоверность и силу.

Записанные подробности о бытовых условиях жизни на селе в годы войны можно использовать учителям, воспитателям, работникам культуры при подготовке к урокам или мероприятиям на соответствующую тему.

Хотелось бы, чтобы собранный нами материал служил действенным средством патриотического воспитания молодёжи. Это особенно важно, когда постепенно утрачивается интерес молодых к прошлому своей страны, а средства массовой информации предпочитают предлагать нам легковесные творения о чужеземных страстях, навязывают молодым потребительское отношение к жизни, пропагандируют культ вседозволенности.

Бесхитростные воспоминания простых сельских тружеников о том как они жили, во всём отказывая себе, чтобы помогать фронту, как трудились во имя Победы, должны заронить в сердца и души потомков зерно благодарности к этим поистине великим людям.

Мы должны во что бы то ни стало добиться осознания детьми и молодёжью одной очень важной и простой мысли: «Если бы тогда эти люди не выстояли, не родилось бы поколение 50-х и всех последующих годов. А значит, не родились бы и те, которые уже почти ничего не знают об этой страшной войне самые молодые.»

Мы рады, что воспоминания скромных тружеников тыла не будут утрачены для последующих поколений, а собранные в данной работе, окажут помощь всем, кто заинтересован в сохранении нашей исторической памяти, в воспитании подлинных патриотов своей земли, а не »Иванов, родства не помнящих».

Задохнулись канонады.

В мире –

тишина.

На большой земле однажды

кончилась война.

Будем жить, встречать рассветы.

верить и любить.

Только не забыть бы это!

Лишь бы не забыть...

Эта память -

верьте, люди, -

всей земле

нужна...

Если мы войну забудем,

вновь придёт война.

Роберт Рождественский.

КОСТРОМСКОЙ КРАЙ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

С 1941 по август 1946 года Кострома и 14 районов бывшей Костромской губернии входили в Ярославскую область, другие районы нынешней Костромской области – в Ивановскую, Горьковскую и Вологодскую области.

По переписи 1939 года здесь проживало около 1 млн.48 тыс.чело- век, из них более 77% - в сельской местности. По сравнению с общесоюзным процент мобилизованных жителей Костромского края был в 1,5 выше. Это объяснялось отсутствием у сельского населения брони от призыва в армию, тогда как рабочие, занятые на оборонных предприятиях, освобождались от мобилизации .

Добровольно, по партийным и общим мобилизациям на фронт ушло до 50-75% состава городских и районных партийных организаций. За годы войны состоялось 15 мобилизаций коммунистов. Сражались с врагами и тысячи костромских комсомольцев. Жители Костромской области активно участвовали в формировании и пере формировании многих частей и соединений в Костроме, Ярославле, Иванове, Горьком, Вологде и других городах.

Значительным событием в жизни нашего края стало формирование осенью 1941 года Ярославской коммунистической дивизии, в рядах которой насчитывалось более 3 тысяч жителей костромской земли.

Непомерно высока была цена победы. Война опустошила целые деревни. Общие потери по Костромской области – более 115 тысяч человек. Это составило 44% всех мобилизованных и призванных в армию костромичей. Потери же призванных в армию в целом по стране равнялись 30%.

За ратные подвиги свыше 70 тыс. костромичей удостоены боевых орденов и медалей. Полными кавалерами солдатского ордена Славы стали 30 наших земляков. Более 160 Героев Советского Союза дала Костромская земля.

Вдумавшись в эти цифры, можно представить, кто оставался в тылу во время войны и должен был выжить сам и снабжать продовольствием, одеждой и провиантом нашу армию: женщины, дети и старики. Вот об их-то великом трудовом подвиге и пойдёт речь, об их каждодневных буднях, без которых был бы невозможен тяжёлый путь нашей армии на Берлин.

Костромской район в канун Великой Отечественной войны представлял собой один из самых экономически развитых в Ярославской области. В его границах значилось 309 деревень с населением около 56 тысяч человек. Здесь действовали несколько десятков колхозов и две МТС, ряд промышленных предприятий. Посевные площади составляли 19,4 тысячи гектаров.

Естественно, и вклад жителей района в обеспечение нужд фронта и тыла военного времени оказался весьма значительным. Колхозы и индивидуальные хозяйства сельчан сдали государству тысячи тонн продукции, прежде всего мясомолочной, овощной, льноводческой. А производили эту продукцию в условиях острого дефицита рабочей силы. Известно, что за годы войны из района в ряды защитников родины было призвано 15176 человек – наиболее работоспособных и квалифицированных мужчин. Из них 2950 погибли, умерли от ран и болезней, ещё 2553 человека значатся пропавшими без вести. Общие потери составили 35%.

И тем не менее труженики тыла, собрав все силы, трудились на полях и фермах, забыв о себе, жили под девизом: «Всё для фронта, всё для победы!»

На страницах периодической печати тех лет можно найти свидетельства самоотверженного труда сельчан.

Секретарь Костромского райкома ВЛКСМ тов. Сухарева писала в статье «Молодёжь деревни» (газета «Северная правда» от 24.01.42г) «Многие лучшие представители комсомольской организации Костромского района с первых же дней начала военных действий ушли на фронт защищать свою Родину. 166 комсомольцев пошли сражаться с фашистскими полчищами добровольно. Добровольцами ушли лучшие комсомольцы деревни, которые ещё в тылу показывали образцы самоотверженной работы...

Но не только на фронте борются за честь и свободу нашей Родины молодые патриоты. Десятки и сотни их, оставшись в тылу, работают изо всех сил, делают всё возможное для скорейшего разгрома врага...

Неплохо поработала молодёжь деревни по сбору металлолома. Силами комсомольцев, пионеров и школьников было собрано 152 тонны металлических отходов. В результате проведённой большой агитационно-массовой работы было собрано также 240 пар лыж для Красной Армии.»

Несмотря на условия военного времени, целый ряд передовых колхозов героическим трудом добился не только выполнения, но и значительного перевыполнения установленной производственной программы. Как писала «Северная правда» 21.04.1942г, «...колхоз «Ленинский путь» Апраксинского сельсовета Костромского района, при плановом задании иметь 100 голов крупного рогатого скота и средний удой на фуражную корову в 3100 литров фактически имел на 1 января текущего года 101 голову и получил удой в 3380 литров. Минимум коров, определялся в 45 голов, колхоз же имел 50 голов. Сейчас в артели крупного рогатого скота 110 голов, что составляет 100% выполнения плана 1942 года, не считая того, что за это время сдано государству мяса в счёт госпоставок 1942 года 1115 кг. Из родившихся в текущем году 14 телят сохранены все. В колхозе «Огородник», Шунгенского сельсовета, 78 коров, в то время как по земельному минимуму они могли бы иметь только 28 голов. План надоя молока был установлен в 26 центнеров, фактически получено 27,3 центнера. В настоящее время имеется крупного рогатого скота 176 голов, что значительно превышает план 1942 года. Из родившихся в текущем году 36 телят падежа не было ни одного случая».

В передовой статье «Посеем как можно больше и лучше» газета «Северная правда» писала 7 мая 1942 года: «Характерно для весны нынешнего года то, что каждый колхоз стремится максимально расширить посевную площадь, взять от земли всё, что она может дать».

22 сентября 1942 года та же газета сообщала: «Урожай в этом году колхозы снимают исключительно хороший. Страна и Красная Армия получают вдоволь хлеб, картофель, овощи и другие сельскохозяйственные продукты».

Преодолевая трудности, работники сельского хозяйства Костромского края увеличивали посевные площади, добивались организованного проведения важнейших сельскохозяйственных кампаний, сверхплановой сдачи продукции. Не отставали от своих старших братьев и сестёр, матерей и отцов школьники. По итогам социалистического соревнования школ области на сельскохозяйственных работах в 1943 году переходящее Красное знамя обкома партии и исполкома облсовета было вручено Гришинской семилетней школе Ореховского района (ныне-Галичский район).

В костромской деревне действовали свыше 2500 молодёжных тракторных и 1000 комсомольско-молодёжных бригад, более 300 звеньев высокого урожая.

Первое место в ходе Всесоюзного социалистического соревнования работников машинно-тракторных станций завоевал в 1944 году коллектив Костромской МТС, получивший переходящее Красное знамя ВЦСПС и Наркомзема СССР.

За большую работу по выведению костромской породы крупного рогатого скота многие работники племенного совхоза «Караваяево» и колхозники Костромского района были отмечены высокими правительственными наградами.

Орденом Ленина были награждены директор совхоза В.А.Шаумян, старший зоотехник С.И.Штейман, заведующая фермой колхоза «XII Октябрь» П.А.Малинина. Всего награды получили 43 человека.

С первых дней войны проявилось неразрывное единство армии и народа. Советские люди отдавали воинам, сражавшимся на фронте, всё самое необходимое. Труженики тыла ежемесячно отчисляли в фонд обороны однодневный заработок, обрабатывали сверхплановые «гектары обороны», собирали металлолом.

По почину тамбовских колхозников в Костромском крае развернулось движение по сбору средств на строительство самолётов и танковых колонн.

В декабре 1942 года трудящиеся Сусанинского района собрали из личных сбережений почти миллион рублей на строительство танковой колонны и просили дать ей имя земляка, патриота земли русской, Ивана Сусанина. Об этой инициативе сообщила областная газета, и жители других районов поддержали сусанинцев. Нерехтчане собрали 5 млн.рублей, судиславцы – 2млн., красносёлы – более 1,5млн.рублей.

На деньги, собранные в Костромском крае, были построены также самолёты авиасоединения имени Валерия Чкалова, танковая колонна имени нашего земляка Юрия Смирнова, несколько именных самолётов.

Принимали участие в этих акциях и школьники. Вот краткое сообщение из газеты «За сталинский урожай» (Костромской район) от 30.11.1941 года: «С большим подъёмом школьники нашего района собирают деньги на строительство истребителя «Ярославский пионер».

Хорошо собирают средства школьники Коряковской школы. Их вклад – 1543 рубля. Школьники Чернопенской школы внесли 2000 рублей, Обломихинской 900 рублей, Петриловской - 839 рублей, Борщинской – 689 рублей. Всего по школам собрано 15500 рублей.»

Кроме этого, тысячи посылок – персональных и безадресных, просто «В действующую армию» - шли на фронт. За годы войны трудящиеся области собрали и отправили воинам

Советской Армии более 234 тыс. индивидуальных и групповых посылок общим весом около 500 тыс. килограммов.

. Трогательное внимание народа к своей армии проявилось и в сборе тёплых вещей для воинов-фронтовиков. Только ко второй военной зиме более 16тыс. шапок, рукавиц, полушубков, валенок послали на фронт трудящиеся Нейского района, почти 13тыс. – Костромского района, более 11тыс. – Межевского.

Население тыловых районов принимало в годы войны женщин, стариков и детей, эвакуированных с территорий, временно захваченных фашистами. Особенно заботились труженики тыла о детях, эвакуированных из героического Ленинграда. В районах области нашли приют более 10тыс. ленинградцев.

По мере освобождения от немецких захватчиков западных областей страны труженики восточных районов посылали туда людей, материалы, продовольствие, скот, деньги, одежду, сельскохозяйственное оборудование, семена.

В соответствии с постановлением ЦК партии и Совнаркома Союза ССР от 21 августа 1943 года из Ярославской области (в состав которой с 1936г. входило большинство районов нынешней Костромской области) для восстановления сельскохозяйственного производства было направлено только в Калининградскую и Смоленскую области 27 тыс. голов крупного рогатого скота, 18 тыс. овец и коз, 5 тыс. лошадей. А ведь костромичам и самим жилось очень трудно. Подчас не хватало самого необходимого. Но ради победы они были готовы пожертвовать всем, что имели.

Положительно повлияло на усиление помощи фронту, на всю жизнь края образование в августе 1944 года Костромской области. Произошло воссоединение районов, ранее входивших в Костромскую губернию и имевших много общего в своём историческом, экономическом, социально-политическом и культурном развитии. Массовый героизм воинов, всенародная помощь армии, единство фронта и тыла, вера в победу, надежда на лучшую мирную жизнь – всё это и обеспечило, в конечном счёте, разгром коварного и сильного противника. Свою лепту в Великую Победу внесла и костромская провинция.

При подготовке этого информационного материала использована следующая литература:

1. Журнал «Губернский дом» № 2 за 1995г, № 3-4 за 2005г
2. «История Костромского края» под ред. В.Р. Веселова, Кострома 1997.
3. «Костромская область» Н.Владимирский, Костромское книжное издательство, 1959.
4. «Костромской край, ч.2» под ред. В.Л. Миловидова, Ярославль, 1980
5. «Пьяньково в зеркале военной поры» П.Бедов, Кострома, 1998.

Список информаторов:

- 1.Анфиногенов Виталий Андреевич 1926г.р.** Уроженец д.Лежнево. Проживает в д.Средняя Костромского района
- 2.Артемьева Нина Николаевна 1930г.р.** Уроженка д.Сухоногово Костромского района Ярославской области
- 3.Бабкина Ангелина Анатольевна 1933г.р.** Уроженка с.Новленское Губачёвского с/с.Проживает в п.Губачёво Костромского района.
- 4.Борисова Александра Николаевна 1926 г.р.**Уроженка д.Шабаново Костромского района Ярославской области.
- 5.Букина Людмила Павловна 1923г.р.** Уроженка д.Песочное Ярославской области (ныне Костромская).
- 6.Данилова Нина Александровна 1921г.р.**Уроженка д.Ивакино Костромского района.
- 7.Евсеева Екатерина Алексеевна.** Уроженка д.Дьяконово Костромского района..
- 8.Егорова Анна Сергеевна 1920г.р.** Уроженка д.Митино Губачёвского сельского совета Костромского района. Проживает в п.Губачёво Костромского района.
- 9.Зимица Софья Кузьминична 1932г.р.** Уроженка и жительница с.Сандогора Костромского района.
- 10.Золотова Нина Капитоновна 1912г.р.** Уроженка д.Становщиково Костромского района.
- 11.Зорихина Прасковья Ивановна 1923г.р.** Уроженка и жительница д.Соково Саметского сельского совета Костромского района. Живёт в д.Самсонка.
- 12.Кротова Лидия Васильевна 1928г.р.**Родилась и живёт в д.Средняя Костромского района.
- 13.Кузнецова Ольга Тимофеевна 1925г.р.** Уроженка с.Спас Костромского района. Проживает в п.Прибрежном Костромского района.
- 14.Лебедева Ольга Ивановна 1923г.р.** Уроженка д.Клестово Судиславского района. Проживает в п.Прибрежном Костромского района.
- 15.Левашова Екатерина Яковлевна 1929г.р.** Уроженка д.Дворищи Любимского района Ярославской области. Проживает в д.Дворищи Костромского района.
- 16.Маркова Мария Александровна 1910г.р.** Уроженка д.Пигалево Любимского района Ярославской области. Живёт в с.Сандогора Костромского района.
- 17.Мельникова Евдокия Васильевна 1920г.р.** Уроженка д.Тимонино Костромского района.

- 18.Михайлова Маргарита Лавровна 1920г.р.** Уроженка д.Романцево Буйского района. Во время войны жила в Красносельском районе (д.Носково и с.Никифорово). В настоящее время живёт в п.Прибрежном Костромского района.
- 19.Морева Елизавета Николаевна 1914г.р.** Уроженка с .Ильинское Костромского района.
- 20.Мягкова Александра Дмитриевна 1925г.р.** Уроженка д.Холм Костромского района. Проживает в п.Прибрежном Костромского района.
- 21.Мягков Николай Васильевич 1928г.р.** Уроженец д.Болтаново Сущёвского сельского совета Костромского района. Проживает в п.Прибрежном Костромского района
- 22.Полетаева Руфина Александровна 1922г.р.** Уроженка д.Шарыгино Любимского района Ярославской области. Проживает в д.Дворищи Костромского района.
- 23.Прокофьева Александра Александровна,1912г.р.** Родилась в Костроме. Во время войны проживала в д.Ивакино Костромского района, где живёт и сейчас.(Самсоновская сельская администрация)
- 24.Разживина Зоя Александровна 1930г.р.** Уроженка д.Мослово Мантуровского района. Проживает в п.Прибрежном Костромского района.
- 25.Русакова Ольга Ивановна 1918г.р.** Уроженка с.Ильинское Самсоновского сельского совета Костромского района. Проживает в п.Фанерник Костромского района.
- 26.Рябова Александра Сергеевна 1926г.р.** Уроженка д.Дьяконово Костромского района.
- 27.Сандрукова Мария Васильевна 1929г.р.** Уроженка д.Плоское Борисово-Судского района Вологодской области. Проживает в п.Фанерник Костромского района.
- 28.Тимофеева Римма Константиновна 1932г.р.** Уроженка д.Шода Костромского района. Проживает в п.Прибрежном Костромского района.
- 29.Трофимова Елизавета Васильевна 1930г.р.** Уроженка д.Малое Безгачево Костромского района. Проживает там же.
- 30.Халецкая Валентина Ивановна 1936г.р.** Уроженка г.Беломорска Карело-Финской АССР. Проживает в с.Сандогора, Костромского района.
- 31.Чистякова Нина Григорьевна 1937г.р.** Уроженка д.Деменково Буйского района. Проживает в п.Прибрежном Костромского района.

**« 22 июня, ровно в 4 часа Киев бомбили, нам
объявили, что началась война!»**

*Как же узнали наши земляки о начале войны? Кто принёс им эту трагическую весть?
Чем они в это время занимались?*

*На все эти вопросы мы получили ответы от самих участников событий тех давно
ушедших лет.*

Было это обыденно и просто, от того ещё более страшно в своей безысходности и боли.

«Война меня застала в Костроме, где мы с мужем учились на заочном отделении учительского института. В июне мы сдавали экзамены. Было раннее утро, я собиралась на занятия. Вдруг из динамика раздался голос диктора Левитана. Он несколько раз повторил, что скоро будет передано важное правительственное сообщение. Все всполошились, побежали будить тех, кто еще не проснулся. Проспавшие прямо с постели, не умываясь, бежали в комнату отдыха слушать радио. Мы чувствовали, что произошло что-то страшное. Ощущение тревоги переполняло наши сердца. И вот радио снова заговорило. Теперь эти слова вошли в историю «Без объявления войны гитлеровская Германия вероломно напала на нашу страну...идут кровопролитные бои...»

Все мужчины сразу ушли из комнаты отдыха и стали собираться домой. На учебе остались почти одни женщины. Я очень хорошо помню, как по ночам отправляли на фронт мобилизованных солдат. По всей улице Советской, до самого вокзала, шли и шли новобранцы, целое море голов. А на вокзале под плач и крики провожающих они садились в вагоны, чтобы надолго покинуть родные места, а многие - и навсегда...

Мужа моего забрали на фронт, а я вскоре поехала к матери в деревню Носково Красносельского района. В деревне было 26 дворов. На фронт ушло 25 человек, вернулось 13. Молодые, кому не исполнилось 18 лет, рвались на фронт добровольцами. Но таких молодых не брали. В армию провожали с плачем, воем, причитаниями. Эти плачи и причитания никто специально не составлял и не записывал, они лились прямо из души тех, кто провожал родных на фронт. Провожали призывников всей деревней. Матери вешали сыновьям на шею снятый с себя крест или давали иконку. Службы в храмах в те годы у нас не было, т.к. все церкви были закрыты еще до войны. Но вера у людей была.»(18)

« В 1941 году в деревне Ивакино Костромского района было примерно 60 домов. Когда весть о начале войны разнеслась по деревне, все жители были в панике, женщины плакали. Повестки на фронт разносили работники сельсовета или мужчин вызывали прямо в военкомат. Призывали в армию с 18 лет. Когда отправляли на фронт, все плакали, причитали. В качестве оберега матери давали сыновьям иконки Николая Угодника и приговаривали: «Приходи какой- никакой, но живой.» В Ильинской церкви проходили молебны, на которых молились о скорой победе над врагом.»(23)

«К началу войны в деревне Митино Губачёвского сельского совета насчитывалось 28 хозяйств различного достатка, а соседнем Скрывалове был 31 дом с числом жителей 82 человека. В каждой семье было, самое меньшее, трое детей. В больших - по 7-9 детей. Часто вместе с семьями взрослых детей жили и их престарелые родители. О войне здесь узнали по радио. В Митино оно было в конторе колхоза, а в Скрывалове находился овощесушильный завод, поэтому в деревне было и электричество, и несколько радиоточек. Известие о начале войны встретили со слезами. С первых же дней на фронт по мобилизационным путёвкам стали уходить мужчины

всех возрастов. Брали на фронт и девушек, которые имели медицинское образование или закончили какой-нибудь техникум.

Повестки приносил почтальон или выдавали их в сельском совете. Тех, кто не ушёл на войну, из конторы колхоза посылали на трудовой фронт: рыть окопы в Ярославскую область, строить железную дорогу Кострома – Галич.»(3,8)

«В деревнях Сухоногово и Шабаново Костромского района в сороковые годы насчитывалось по 35-40 дворов, где проживало до 200 жителей. О начале войны узнали по радио. Репродуктор висел на столбе, прямо на улице. Во время очередного включения жители узнали, что 22 июня немцы бомбили Киев. Июнь в деревне – сенокосная пора, поэтому многие колхозники были на лугах. Дети с криком бежали к родителям, чтобы сообщить о начале войны. Мужчины, побросав все дела, пошли по домам собираться. Повестки доставлялись почтальонами. Забирали мужчин до 1926 го- да рождения,(а в конце 1944 года брали и 1926, и 1927 года рождения.) На фронт увозили даже ночью и за несколько дней в деревнях остались только женщины с детьми да старики.

Все мужчины и парни уходили на фронт добровольно, без всякого принуждения, шли на защиту Родины ради жизни и детей.

Перед выходом из родного дома на уходившего надевали крестик или давали иконку, читали молитву.

На фронт провожали всей деревней, с собой собирали всё, что могли дать. По дороге пели под гармошку частушки и песни.

Вот некоторые из них:

«Истопа-ка, мама, баню,
Выпарь молодца меня!
Не последний ли разочек
Беспокою я тебя?

Во солдатушках не дома,
Не у матушки родной.
Не покличут: «Ну-ка, милый,
Заходи-ка ты домой!»

«Последний нынешний денёчек
Гуляю с вами, я, друзья,
А завтра рано, чуть светочек
Заплачет вся моя семья.
Заплачут братья мои, сестры,
Заплачет мать и мой отец.
Ещё заплачет дорогая,
С которой шёл я под венец.»(2,4)

Населённые пункты Сандогора, Дворищи, Шурыгино в канун Великой Отечественной войны входили в Любимский район Ярославской области. В Сандогоре перед войной было 60 дворов, жителей- 400 человек, из них мужчин около 200 человек.

В Дворище -80 дворов, жителей человек 600, из них мужчин -260.

В Шарыгино было 25 дворов, жителей 250 человек, мужчин около 100 человек.

Семьи были большие, жили молодые вместе со стариками да ещё по 6-8 человек детей.

Радио –«тарелка» было только на центральной усадьбе колхоза в Сандогоре. Узнав о начале войны, люди сначала остолбенели, а потом поднялся крик и плач.

Пожилые женщины плакали о своих сыновьях, которым предстояло идти на войну, молодые – о мужьях и братьях, дети – об отцах.»(9)

Повестки в первые дни разносили работники сельсовета, потом это делал почтальон. Призывной возраст у мужчин был с 17 лет.

Всех призывников собрали у сельсовета. У каждого из них был вещмешок с парой белья, ложкой, кружкой и едой на первое время. Провожали родных до Починка-Чапкова, потом они переправлялись на пароме через реку и отправлялись в г.Любим. Провожали тяжело, со слезами, было не до песен. В храмах в эти дни проходили службы, молились за здоровье воинов, за Сталина.(30) В качестве оберега женщины давали мужчинам крестик или иконку, в некоторых деревнях – кисеты и носовые платочки.

При этом просили своих близких беречь себя и вернуться живыми.(9)

В деревне Лежнево Середняковского сельского совета перед войной было около 50 домов, в которых проживали семьи, имея от 3 до 7 детей.

22 июня многие колхозники были на строительстве дороги Кострома – Москва на участке возле птицефабрики совхоза «Костромской». Примерно около 11-30 туда прибыло 2 автомобиля с руководителями стройки и представителями обкома партии и облисполкома. Работавших собрали на митинг и объявили о начале войны с гитлеровской Германией. Хотя все были поражены этим известием, но никто не поддавался панике. Наоборот, люди выступали и призывали всех сплотиться против врага, работать для фронта, для победы.

В деревне о начале войны сообщила секретарь сельсовета, которой позвонили по телефону из Костромы. Жители собирались группами и обсуждали только что услышанную весть. Все знали о силе немецкой армии, но готовы были идти на фронт защищать Родину.

Часам к двум дня в деревню стали приносить мобилизационные повестки мужчинам от 20 до 50 лет. А на следующий день их уже провожали в армию. Провожали со слезами и песнями под гармошку. Наказывали бить врага, не жалея сил и желали скорейшего окончания войны.

Где-то через месяц после начала войны появились добровольцы. Это были люди, которых не призывали в армию по разным причинам, а они сами шли в военкомат и писали заявление с просьбой отправить их на фронт.(1)

« Я жила в селе Спас Суцевского сельсовета Костромского района. Село насчитывало около 50 дворов.

22 июня 1941 года мы копали под табак лопатами. Пришел человек из Куникова и сказал: «Девчонки, война!» Мы все побежали домой. Бежим, плачем. А чего побежали? Война ...

Мужиков стали брать на войну. У нас семья была большая, 10 человек: мать с отцом да детей 8. Отец-то на конюшне работал, а мать в поле и сеяла, и боронила. Мы, девчонки, как малолетки до войны копали вручную под табак, под картошку, под морковь. А уж как война началась, работали как взрослые.

Посылали нас из Спаса и из соседних деревень по человеку в сельсовет дежурить на сутки, разносить повестки в армию. Нам давали сообщения из Суцева в Куниково. Телефона не было. Мы сидим, ждем. Приходилось и по ночам ходить, сообщать, что забирают на фронт. Такое было у нас дежурство.

Из Спаса мужчины шли в Кострому пешком. Дорога проходила по-за деревней, озерами. Помню, папу я провожала, посидели на бугорочке, поплакали и расстались. Папа погиб на войне.»(28)

« Во время Великой Отечественной войны я жил в деревне Болтаново Сущевского сельского совета Костромского района. Деревня была большая, 36 дворов и в каждом – по 5-6 человек. Она входила в колхоз «Новый быт». Выращивали картофель, рожь. Было много скота.

К началу войны мне было 13 лет, но я уже работал в колхозе. 22 июня я был на сенокосе, возил копны. Пришел к нам зав.потреб- кооперацией Хорьков Павел Александрович и сообщил, что началась война. Мужчинам было велено никуда не отлучаться, собраться и ждать повестки.

Женщины заплакали, запричитали, а я скорей побежал домой. У нас семья была не маленькая: мать, отец, бабушка, четверо детей.

Папа у меня до этого воевал в Японии, Манчжурии, участвовал в финской войне, а теперь ему снова пришла повестка на фронт.

Кроме мужчин, на войну забрали и многих молодых девушек и женщин. Военкомат был в Костроме. Туда добирались пешком и на лошадях. Отправляющимся на фронт матери или жены часто зашивали в одежду крестик, благословляли иконами. Церковь в Сущеве действовала и в годы войны, многие ее посещали.

Помню, как каждого провожали с песнями под гармошку. Пели песни, частушки, чтобы как-то поднять настроение, дух.»(21)

В деревне Малое Безгачево Деминского сельского совета Костромского района было примерно 22 двора, где жило около 140 человек. Из них мужчин и молодых парней человек 80.

Когда узнали о начале войны, по всей деревне стоял плач. Во всех домах велись разговоры о войне: как теперь жить, как кормить детей ведь мужчин заберут на войну, а семьи были немалые. Мужчинам, начиная с 17 лет, приносили повестки из сельсовета. Обычно это было вечером, а утром они уже отправлялись в военкомат. Провожали близких со слезами. Матери благословляли сыновей и вешали им на шею крестик.(29)

«Если завтра война, если завтра в поход, будь сегодня к походу готов! ...»

Тяжёлое бремя войны легло на плечи каждого живущего в то время. И надо было учиться жить по-новому и думать по-другому: искать источник, откуда черпать силы, тот луч света в кромешной тьме, который в конце концов выводит из тупика.

С самого начала Великой Отечественной войны и на всём её протяжении согревала людей, питала и помогала жить надежда на нашу победу, неистребимая вера в мужество своих защитников, которые смогут остановить врага, несмотря на все трудности и невзгоды – смогут!

В костромской глубинке, часто ограниченные в доступе к основным источникам информации – радио и газетам, люди находили возможность узнавать новости с фронта. Они жили этими вестями, ждали их с нетерпением, хотя время то было суровое и не допускало праздных разговоров о политической ситуации в стране.

Особенно тяжело пришлось селянам в первые годы войны, когда нужно было не только смириться с выпавшим на долю испытанием, но и учиться жить без мужчин, обходясь женским и детским трудом в нелёгкой крестьянской повседневности.

«Разговоры по поводу продолжительности войны были разными. Некоторые говорили, что мы ещё не оправились от войны с финнами, поэтому тяжело придётся воевать. Но несмотря на это, мы верили в силу и дух наших мужчин. Народ сильно

был возмущён тем, что совсем недавно Гитлеру от правили состав с зерном, а он на это отплатил войной. Но все ждали и хотели верить, что война скоро кончится.»(2,4)

«Слишком много горя и забот свалилось на людей, поэтому было не до пустых разговоров. Мы понимали, что война будет тяжёлой. Радио в деревне в те годы не было. Как война началась, по домам ходила специальная комиссия. Забирали охотничьи ружья и радиоприёмники, даже детекторные. Все новости мы узнавали из газет, которые выписывались на колхозную контору и школу. Собирались желающие, кто-нибудь один читал, остальные слушали. Часто газеты приносили прямо в поле и читали перед работой или в перерывах.»(18)

«Все понимали, что война предстоит долгая и тяжёлая. Но я была уверена, что наши фашистов к Москве не подпустят, остановят. Эта вера и давала силы жить.»(14)

«В Сандогорском сельсовете по вечерам собирались подростки, медики, учителя. Там на стене висела карта, на которой при помощи красной нитки и патефонных иголок они отмечали продвижение советских войск. О политике не говорили, но верили в нашу победу».(22)

«Мы вставали на работу с рассветом, приходили затемно. Часто слушать радио и читать газеты не приходилось. Но в деревне был клуб, где люди и собирались, чтобы услышать новости, почитать газеты и обсудить услышанное и прочитанное. А в основном, все известия узнавали друг от друга.»(3)

«Радио в войну было установлено на здании сельсовета в центральной усадьбе колхоза в Сандогоре. Оно говорило громко, и люди узнавали последние новости с фронта, передавали их друг другу, т.к. газет не было и приёмников в других деревнях тоже.»(9)

«Настроение у людей было тяжёлое. Многие думали, что война продлится недолго, но были и такие, которые говорили, что немцы – враг серьёзный. Но люди знали одно: теперь надо работать, работать и работать».(22)

Не упали духом в тылу. Несмотря на внезапность нападения, не опустили руки, а все силы направили на беспримерный труд во имя Победы.

«Один на один со слезами, с несжатыми в поле хлебами...»

Как же смогли они, оставшиеся в деревнях женщины, дети да старики обеспечивать продовольствием и фуражом армию, кормить всю «страну огромную»? Как доставались им эти пуды зерна, картофеля, сена, кубометры леса и гектары поля?

Основная работа в колхозе и в личном хозяйстве легла на плечи женщин. Старики, в основном, присматривали за детьми. Если были силы, то участвовали в полевых работах. Дети, кто постарше, помогали по хозяйству и также трудились в колхозе. А работать приходилось на износ. Большинство работ выполняли вручную, т.к. техники было мало и она часто ломалась.(18)

«Во время войны я жила в деревне Холм Ждановского сельсовета Костромского района. Работала в колхозе. Брат Михаил там же был трактористом. Когда началась война,

мужчин забрали на фронт, и работать на тракторах стало некому. Тогда ко мне домой приехали из МТС и стали уговаривать идти учиться на тракторные курсы. Я согласилась. Окончила эти курсы и стала работать прицепщиком у брата, а потом и самой дали трактор. Так всю войну и проработала. Даже не знаю, как и выжила тогда. Трактор был тяжелой машиной, не для женских рук. Помню, как мучилась, чтобы его завести. Два раза ломала руку. Так и работала с переломами, только руку на дощечке закрепляла. Иногда брат помогал заводить трактор. Прицепщиками были подростки. За свою работу они почти ничего не получали, поэтому и мне особо не помогали, всё приходилось делать самой. Особенно тяжело приходилось, когда трактор ломался. За запчастями ходили пешком в Кострому. Ремонт занимались тоже сами в открытом сарае. Никаких ремонтников или механиков не было. Сами строгали рамы, паяли, подгоняли, делали деревянные подшипники.

А когда шла уборка зерна, работала день и ночь непрерывно: водила трактор с молотилкой. Прикорну где-нибудь недолочко, а меня уж зовут. И при такой каторжной работе и голодовке ничего нельзя было унести с поля. В соседнем Шувалове двух девушек судили за карман ржи, дали по три года. Детей председатель посылал собирать неубранные колоски, чтобы ничего не пропадало. Весь урожай отправляли на фронт. Я старалась работать добросовестно, отдавала все силы, всегда ходила в передовиках. Да ещё посылали меня под Ростов Ярославский копать окопы.»(20)

«Все в нашем селе работали, никто не сидел без дела. Детей помладше посылали на прополку, а остальных – на все работы.

Работали мы на сенопункте, ходили за 5 км прессовать сено. Летом сено привезут, мы стога смечем, зимой прессуем. А как весна подходит, мы грузим кипы сена на понтоны. Каждая кипа весила 32 кг. Мы их на плечах таскали. А потом это сено отправляли по реке Костроме. И косили тоже мы вручную. Норма покоса была 7 га на девушку, 5 га на женщину. Мы с братом скосили 19 га двое, изо всего колхоза. Но мы уходили на покос в 2 часа ночи, а возвращались на закате. Дома уж мы ничего не делали, не могли. Там мама да младшие управлялись.

Что ни выращивали в хозяйстве, все увозили, сдавали государству. Когда картошку копали, женщины иногда накладывали в карманы картофелины для своих детей. Брали и мы, девчонки. Но у края поля нас уже встречали проверяющие и заставляли высыпать картошку. На первый раз никого не наказывали, но предупреждали, что в следующий раз, если что-нибудь возьмем с поля, нас будет судить военный трибунал.

Работали в лаптях. Копаем, звено 6 девок – и все в лаптях. Загон вскопаем большой; были маркела, 4 зуба, натаскаем, нагоним бороздки. Потом берем бутылку, в бутылке пробка с дырочкой, в нее вставлено гусиное перо. Кладем в бутылку семена табака, они мелкие, как мак. Лапти разденем и – бегача друг за дружкой, чтобы сеять-то! С одного конца поля на другой добежишь, отдохнешь, на другой пойдешь. Потом опять в лапти обуешься. Картошку копали, женихов в армию провожали – все в лаптях. В войну я и на лесозаготовках работала. Лес возили в вагонетках на Костромку, а оттуда куда-то сплавляли. Было такое приспособление: сзади тачка и спереди тачка, а между ними - два бревна шестиметровых. Так вдвоём перевозили строевой лес женщины и подростки»(13)

«В колхозе сажали, окучивали, а потом копали картофель, теребили и пололи лён, обрабатывали табак. Дети помогали на прополке. Был всего один трактор, поэтому всё делали вручную. Выручали быки, на которых работали подростки. Приходилось и лес заготовливать. По реке сплавляли плоты и моль /единичные брёвна, не связанные в плоты/. И всё это делалось руками женщин и детей.»(9)

«К осени 1941 года, ко времени уборки урожая, большинство мужчин было мобилизовано на фронт, а уборку надо было завершить. Стали работать вместе с женщинами и пожилые /после 60 лет /, и дети с 12 лет. Урожай получили неплохой, т.к. всё было посажено ещё до войны. Основная часть собранного была отправлена на фронт. «С октября 1941 года трудоспособное население было отправлено на рытьё противотанковых рвов на левом берегу Волги. Они были протяжённостью от деревни Гомониха до реки Костромы. В то же время часть колхозников была мобилизована на заготовку дров. Лес пилили на территории от деревни Симаково до деревни Сулятино и возили на лошадях на железнодорожную станцию Каримово. Там его грузили в вагоны и отправляли дальше. Этот лес шёл на дрова для паровозов. И все эти работы делались руками женщин и подростков.»(1)

«Девочек с 16-ти лет, кто покрепче, отправляли от колхоза на лесоповал. Лес нужен был на восстановление разрушенных сёл, деревень и городов. Норму делали непосильную, но если постараться и перевыполнишь план, то добавляли выдачу хлеба от 400 до 600 г в день. Денег не платили, мы работали только за хлеб.»(27)

В деревне Самсонка Костромского района работали в полеводческой бригаде без выходных. Женщины возили навоз, копали, сажали всё вручную с 6 часов утра и до 9 часов вечера, а осенью – дотемна. (19)

«В деревне Тимонино Костромского района девушки ещё в 1938 г. окончили курсы трактористов и всю войну проработали на тракторах. На тяжёлых колёсниках они работали от зари до зари. Те, что постарше, пахали ночью, помладше – днём. Зимой работали в МТС на сборке моторов и обкатке тракторов.»(17).

«А работали в колхозе наизнос. Я, будучи учительницей в Красносельском районе, все летние отпуска и свободное время в рабочую пору, трудилась на сенокосе, на уборке ржи. Комбайнов в колхозе не было, были жнейки, которые постоянно ломались. Землю пахали тракторами, но они выпускались из МТС по графику. Их надо было долго ждать, не всем хватало. Поэтому многие работы тогда производились вручную: уборка хлеба, обмолот, заготовка сена. Ждать технику было некогда. Ведь сельское хозяйство всегда зависело от погоды и точных сроков, а то урожай пропадет»(18).

«Дома оставалось в каждой семье по 4-5 человек: малые дети, женщины да старики. Я не помню, чтобы мама была с нами, она все время работала, а за нами присматривала бабушка. В полутора километрах от нашей деревушки Деменково Буйского района проходила Северная железная дорога. Она, видимо, имела важное значение в то время, потому что ее прилетали бомбить самолеты. Самолеты летали очень низко, чуть не задевая крыши домов. И мы, будучи малыми детьми, понимали: идет война. Железную дорогу оберегали. Зимой все жители близлежащих деревень по разнарядке ходили чистить дорогу от снега и называлось это снегоборьбой. От нас по этой дороге отправляли дрова, Их пилили женщины и девушки-подростки. Затем их на лошадках вывозили на станцию и там грузили в вагоны. Грузили вручную, опять же созывая людей.»(31)

«Остались в деревне женщины, дети и подростки да старики. Я работал как взрослый, хотя к началу войны мне было всего 13 лет. Мы заготавливали дрова для Москвы, возили их в деревню Иванниково. А потом пошел учиться на тракториста на курсы при МТС. Так до 1950 года и работал трактористом.»(21)

«Жизнь, конечно, в войну была нелегкой. Мужиков забрали, остались бабы, детки да старики. Вот и работали. Мы во всем были приравнены к взрослым. Так же ходили на колхозные работы. И на сенокосе помогали, и лен пололи да теребили, и рожь с овсом жали, и картошку копали, а зимой навоз на поля вывозили.»(24)

«Я в сороковом году только закончила первый класс, но работала наравне с другими. Когда же окончила начальную школу, хотя и была отличницей, родители дальше учиться не отпустили – надо было добираться в другую деревню.

Работала я везде, куда посылали. Многие крестьянские работы научилась выполнять. Не все сразу получалось хорошо. Помню, послали нас косить сено. Выделили специальный участок. Мы старались, как могли, но получилось неважно, с «огрехами». Нас, хоть мы и были невелики, поругали, конечно. Потом-то уж и мы научились. Да и как было не научиться: перекосили и переверочали мы этого сена многие и многие тонны! А еще и на прополку ходили, и чего только не делали!

Мы тогда гордились, что нам поручают ответственную работу, чувствовали себя взрослыми. Работали в звеньях, сообща. Фронту отправляли много хлеба, табака. Пахали лошадьми, тракторов не было. Один раз послали нас с подружкой в город отвозить зерно. А когда мы возвращались домой, то лошади, не доезжая до нашей деревни, остановились и дальше не идут. Они уж все изработанные были, усталые. Что делать? Хорошо, что мимо проходил мужчина. Мы его попросили передать нашим мамам о своей беде. Прошло сколько-то времени, смотрим, идут мамы и ведут других лошадей. Своих мы выпрягли и повели домой. Они через несколько дней пали, не вынесли такой напряжённой работы. Кроме колхозных работ, подростков посылали и на лесозаготовки.

Все трудились, не покладая рук, потому что понимали, что идет война и без этого каждодневного труда не видать победы.

За добросовестный труд из нашей деревни после окончания войны 14 человек получили медали «За трудовое отличие». Представили к награде и меня. Вручали их в помещении драматического театра в Костроме. Сидели вместе знаменитые доярки Малинина, Евдокимова и я, никому не известная девчонка»(28)

«Главной, конечно, была работа. Чтобы помочь себе справиться с ней, мы пели песни, грустные и весёлые. Весёлых даже больше. Не унывали, верили, что победа будет за нами. Помню, послали нас, девчонок молоденьких в Космынино грузить торф в вагоны. Сказали, что на один сезон. Ох, и работа была чёрная! Хорошо, если попадались торфяные брикеты. А если торф россыпью, то просто беда: высыплешь его из корзины в вагон, а на тебя оттуда так и пахнёт нефтяной пылью, да всё в лицо! Домой с работы шли как негры, только белки глаз сверкали. И вот мы, глупые девчонки, отработали сезон и убежали в свою деревню. Решили больше не возвращаться. А за нами приехал милиционер и увёз в Кострому, в милицию. Там нас отправили ночевать в камеру за решётку. Вот уж мы давай его умолять, чтобы он уговорил своё начальство нас отпустить и отправить снова торф грузить. Не понимали, глупые, что нас просто хотели поугубить, чтобы мы в другой раз не убежали с работы. Ведь если все побегут, кто фронту помогать будет?

Даже дети малые помогали: они на полях собирали колоски, оставшиеся после уборки. Ведь тогда каждым зёрнышком дорожили»(11)

«Трудно было жить в колхозах во время войны. На тракторах работали девушки и женщины, кто помоложе. А картошку убирали вручную, лопатами. И все равно выстояли. Никто не считал себя каким-то героем: ни те, кто трудились в тылу, ни те, что воевали.»(14)

**« А в письмах на фронт уверяла, что
будто б отлично живёшь...»**

Мало-помалу налаживала костромская провинция свой быт в тыловых условиях, полностью подтверждая старинную народную мудрость «голь на выдумку хитра». И в самом деле, чтобы выжить при постоянной нехватке самого жизненно необходимого, приходилось вспоминать многое из житейского опыта прошлых поколений, обогащая его собственными изобретениями. Это только кажется, что прокормиться, живя на земле, легче лёгкого...

А если всё выращенное и добытое тяжёлым трудом приходится отдавать для нужд фронта, а если дома тебя встречают несколько пар голодных глаз и нет сил после работы на ферме, в поле или в лесу ещё трудиться в личном подсобном хозяйстве, чтобы было чем накормить старых да малых?

А они, женщины сотен сёл и деревень по всей огромной стране, вопреки этим и десяткам других «если», не поддались панике. Они стали «и ткачами, и пряжами», научились готовить «из ничего» еду для всей семьи и своими натруженными руками «спасли и заслонили от гибели весь мир».

С началом войны изменился и быт тех, кто остался дома, в тылу. Поднашивалась одежда и обувь, приобретённая ещё в довоенное время. В ход пошли старые вещи. Их перешивали, латали. Шили одежду и из домотканого материала. Чесали и пряли лён. Нитки сматывали на мотовила. Затем эти мотки складывали в чугуны, добавляли золы в качестве щёлочи и так отбеливали. Потом красили покупными красками и ткали холсты. Также покупали «бумажные» нитки, их тоже ткали и шили одежду. Из старых пальто на ноги шили «бурки» - это такие сапоги, к которым пришивали подошвы, вырезанные из валенок. Летом носили обувь из брезента с деревянными подошвами. Мебель в доме была тоже из дерева. Кто мог себе позволить, ещё до войны завёл настоящую кровать, комод, трюмо и стол с покупными стульями. В основном же сидели на лавках, а многие ещё и спали на «примостках» (ставились «козлы», а на них клались доски, получалась кровать). Для посуды на стене висели полки-«залавки». (3,8)

«Питались во время войны в красносельских деревнях скудно и однообразно. Не думали о вкусе - лишь бы было что в рот положить. Семьям фронтовиков выдавали в конторе ржаную муку: 400г на взрослого, 200г - на ребенка (суточная норма). Выдавали сразу мешком - хоть в один день всё съешь. Да мы-то знали, что надо экономить и растягивать этот хлебушек. Мололи зерно дома на жерновах. В муку добавляли что что: оставшуюся от обмолота ржи мякину, лебеду, кору деревьев. Картошку варили «в мундире» и потом прямо в кожуре и ели. Картофельные очистки берегли (если таковые были). Из них пекли оладьи, а также использовали их как лекарство, прикладывая к ранам, ушибам, ожогам.

О каких-то особых пайках для семей фронтовиков ничего сказать не могу: не слышала. За всю войну я один раз получила купон на продукты. Получила по нему гречневую крупу, манную, сахарный песок, чай, муку, пшено. При виде такого «богатства» мой маленький сын (1942 г.р.) пришел в восторг и долго не верил, что все это «наше». Почему нашей семье выделили эти продукты и кто о нас позаботился, не могу сказать, не знаю. В те годы особо не спрашивали и не объясняли: дали - бери, не дали - молчи...

Одежда в войну была только самая необходимая. Швейных машинок в обиходе было очень мало. В основном, шили руками. Перешивали старое (у кого сохранилось), а то использовали домотканый материал. Иногда за хорошую работу колхозников премировали отрезами (небольшими, конечно) ткани.

В качестве обуви часто использовали зимой плетёные из веревок чуни и лапти из бересты или лыка. Для лета также плели из бересты т.н.» поршни». Их надевали на сенокос, чтобы не исколоть ноги о скошенную траву. Ещё носили «постолы» (высокие поршни). Если у кого чудом сохранилась какая-то настоящая обувь (сапоги, туфли), то её берегли и надевали, что называется, по великим праздникам. Ведь купить было негде (город далеко, да и в магазинах пусто) и не на что.

Во время войны пригодились все народные умения, которые раньше прививались в семьях: и шитье, и вязанье, и обработка дерева, да и мало ли что умеет делать сельский житель!»(18)

«Хотя из нашей семьи двое ушли на фронт, никаких пайков в колхозе «Трудовик» Грудевского сельсовета Судиславского района на них мы не получали. Было у нас свое хозяйство, с него и кормились. Да в колхозе на трудодни давали хлеб. Привозили зимой воз зерна, которое мы мололи на местной мельнице. Муку экономили, добавляли в нее измельченный клевер, вся-кую другую траву - так что и хлеб-то на хлеб не был похож: что-то черное непонятного вкуса. Но и такому тогда были рады. А с хозяйства, конечно, сдавали государству налог: молоко, мясо, яйца, шерсть, шкуры. Одежду нам перешивал отец из вся-кого старья, которое хранилось с довоенных времен. Он у нас был портной. А вот с обувью было труднее, но как-то обходились, босиком не ходили. Да еще из города, бывало, люди приезжали и меняли вещи на картошку, лук. Так вот мы и жили.»(14)

«Хлеб в деревне Деменково Буйского района в войну пекли сами, из чего только могли. На трудодни выдавали остатки от ржи. Называлось это шуйей. Ее мололи на самодельных жерновах и пекли хлеб. В эту «муку» добавляли картошку и даже очистки. Зимними вечерами женщины и девушки собирались у кого-нибудь в избе и, как в старину, пряли пряжу. Затем ткали из пряжи полотно, из которых и шили одежду. Это полотно шло и на постельные принадлежности.

Как только начинал таять снег и появлялись первые проталинки, мы, дети, выбегали босиком на улицу. И все лето тоже проводили на улице, насидевшись по домам за долгую зиму – с одежкой-то было трудно. Мы ходили в лес за ягодами, грибами. Ели много моркови, брюквы с огородов – это и было нашим лакомством.

На зиму бабушка собирала и сушила много разных трав и опять же моркови, брюквы, свеклы.»(31)

«За работу на трудодни в колхозе «Новый быт» Костромского района давали зерно. Мололи мы его на мельнице. Весь картофель, что выращивали в хозяйстве, отправляли на фронт. А картофельные отходы, замерзшие и твердые, хозяйки промывали и пекли потом «трахмалушки» (оладьи).

Одежду перешивали из старой. Ткань ткали сами на самодельных ткацких станах. Нитки добывали в Костроме. Ткацкие комбинаты (Ленина, Зворыкинский) выбрасывали спутанные отходы. Вот их собирали, распутывали и из этих ниток ткали полотно. А обувь ремонтировали, накладывали заплатки, подшивали. Летом носили лапти и сшитые из кусков кожи «упоки». Иногда приезжали к нам из города менять одежду на продукты. Так вот одевались и обувались.

За родственников, ушедших на фронт из колхоза, семьям не выдавали ни денег, ни продуктов. Но мой отец работал в лесничестве, поэтому в ОРСе нам на него выдавали небольшой паек.

Помню, как меня однажды чуть не убили, когда я возвращался домой с полученными за отца продуктами. Проходя по дороге, увидел, как какие-то мужчины воруют колхозное сено. Один из них догнал меня. Спасло только то, что меня узнали. Отец мой был человеком известным в деревне и уважаемым (он работал в лесничестве бухгалтером)».(21)

«Это было очень тяжелое время. Отца и брата забрали на фронт. Осталась дома мать да младший брат с сестрами. Семья голодала, потому что на трудодни ничего не выдавали. Меня как трактористку обеспечивали хоть скудным, но питанием. Так я старалась домой принести выданный мне кусочек хлеба, дома и этого не было. Питались картошкой со своего огорода, экономили на всем. Когда пахала поля, так по обочинам стояло множество людей. Проеду, а они бросаются в борозды и подбирают выпаханные плугом полусгнившие картошины. Я все время боялась наехать на кого-нибудь. Когда мы копали окопы под Ростовом Ярославским, проходили мимо солдатики наши, тоже все голодные. Они у нас хлеб или что другое съестное на мыло обменивали. Мы в ту пору мыла и не видали.»(20)

«За работу в колхозе нам выдавали хлеба по 400 г на человека. Зимой ездили на «Коминтерн». Там покупали отходы от картошки, замороженные в огромные круглые «колобаны». Один такой «колобан» стоил 100 рублей. Привезешь его домой рад. Отрубали от него понемногу и пекли на сковороде клёцки. Только сытости они никакой не давали. Ещё из своей-то картошки, куда ни шло, а из этого что? Пустое дело.., А то отходы от табака собирали, рубили и зимой на санках возили в Ярославскую область. Там меняли на хлеб или другую еду.

А как весна начинается, ходили в лес с корзинками, брали царпки. Там под дубьями листья разрывали, собирали жёлуди. Их потом сушили, мололи в жерновах. Молоком зальём в сковороду, матери в русскую печку поставят, там запечётся.

Я один раз наелась на голодный желудок такой еды, да и поехала одна на лодке за газетами (работала в то время почтальоном). Тихо кругом. И тут у меня внутри всё так заболело, что я «караул» кричала. Какие-то люди подъехали, меня домой довезли. Как я выжила, не знаю.

Держали коров, хоть и трудно было. Некоторые женщины держали одну корову на двоих, так было полегче накопить и заготовить сена. А без коров-то, наверно, умерли бы с голоду! Я все думаю: »С чего мы такую непосильную работу делали? Откуда силы брали? Что ели? Не знаю...»(13)

«Деревня наша, Шода, была большая, 60 дворов, колхоз сильный. Имелись большая ферма, конюшня, маслозавод. Хлеба было в достатке. На трудодни давали зерно, мясо, масло, мед. Держали скотину. Когда забивали, мясо возили на базар, меняли на необходимое. Табак меняли на одежду. Дома у многих были свои ткацкие станы, которые передавались по наследству от родителей детям. На них ткали портянки, наматрасники, чехлы. Нитки для этого привозили из города – «путанку» с фабрик. Кто держал овец, возил в Ярославскую область шерсть. Там катали валенки. Так и жили.»(28)

«Я до войны работала в яслях в деревне Песочное, а во время войны нас с сестрой послали на торфоразработки. Работали по 12-14 часов в сутки за 400 г хлеба, очень голодали. Ели лепёшки из барды, пелевы (олады из зерна), а также собирали белый мох и мороженую картошку, из которых пекли «тюнтики». Летом было немного полегче, собирали грибы, ягоды. Силы придавала надежда на победу, очень верили в нашу победу».

(5)

В деревне Ильинское Костромского района на фронт отдавали всё продовольствие в приказном порядке, поэтому среди людей было много недовольства. Ведь приходилось отдавать все продукты до крошки, а у многих на руках остались маленькие дети, которых день надо было чем-то кормить.

На каждый дом была установлена норма сдачи продуктов в год: 40 килограммов мяса, 50 штук яиц, 300 литров молока. Если не было своего, покупали на стороне и сдавали государству.

Люди питались мороженой картошкой, которая оставалась в поле необранной, т.к. не хватало работников. Эту картошку тёрли, делали блины. Ели щавель, черёмуху, чернику, рябину. На детей выдавали хлеб по норме 150 г на человека. Выписывали на трудодни зерно. Его мололи и пекли хлеб. Делали квас: картошку обваливали в муке и запаривали в русской печке, потом заливали водой и бросали туда корку хлеба для закваски. Одежду шили сами. Для этого выращивали лён, ткали пряжу. Плели лапти из бересты. Обычными орудиями труда были потес, коса, вилы топор, пила.»(23)

«Военное время – голодное время. О хлебе, испечённом из настоящей муки, говорить не приходилось. То, что ели, и хлебом-то назвать трудно. Это была смесь из всяческих отходов. Он и назывался «поклеванный». Ели всё, что пригодно для пищи: щавель, крапиву, дикий лук и чеснок, яйца диких птиц. Имели свои огороды – 2-3 сотки да держали домашних животных. Но каждый год нужно было уплатить продовольственный налог государству, а уж что оставалось, то – себе на пропитание. В колхозе работали за трудодни. Если получали хороший урожай, на один трудодень выдавали 50-100г пшеницы; 1-3 кг корнеплодов. Выдачу на трудодень рассчитывали после того, как большую часть собранного сдадут на овощесушильный завод в деревню Скрывалово и часть заложат на семена. То, что оставалось, и делили на всех.

Немного легче было тем, кто работал на овощесушильном заводе. Они получали зарплату деньгами, можно было выписать отходы производства (очистки и «глазки» от картошки, капустные кочерыжки. Им можно было выписать и крахмал. Крахмалом же и рассчитывались и квартиранты, которые снимали жильё в деревне. На одного постояльца платили 5 кг сырого крахмала. За территорией завода проходила канава, в которой жители деревни собирали крахмал вместе с землёй. Его промывали, смешивали с картошкой пекли draniki. В магазине хлеб давали по талонам по 150 г, но только за погибшего на фронте.»(3,8)

«В селе Сандогора Костромского района норма выдачи была 300г, для детей – 200г. Детям, чьи отцы были на войне, хлебный паёк не давали, а выплачивали деньги по 150 рублей в месяц. Хлеб пекли и сами, добавляя в муку клевер, мякину, картошку. Вместо сахара ели сахарную свёклу. Её сначала парили в чугунах в печи, а затем вялили на противнях.»(30)

«Одевались в войну очень плохо. Перешивали одежду из старой. Ткали сами и шили себе рубахи, юбки. На ноги шили ватные бурки. Ходили в «шоптониках», которые вязали из льняных веревок и в лаптях из лыка. Наматывали портянки до колена и обматывали их верёвочками, а на них надевали лапти.

Почти все орудия труда делали сами: грабли, черенки для лопат, вёдра, топорыща. Из бересты, draniki делали разные необходимые в хозяйстве вещи. В магазине покупали только лопаты, топоры.

В каждой деревне нашей округи была своя кузница, там ремонтировали колхозные плуги и бороны.»(30)

«В Сухоногове и Шабанове Костромского района летом носили лапти, тапки, «тюрики». Весной и осенью – кирзовые и резиновые сапоги, зимой - валенки. Занимались ткачеством. Лён пряли, и ткали половики, новину (ткань). Эту ткань зимой отбеливали на снегу и шили из неё рубашки мужские и женские. Из овечьей шерсти вязали варежки, носки, чулки, кофты.

Многое делали своими руками: колёса, дуги, седёлки, хомуты, оглобли, прялки и швейки, мутовки, скалки, вальки, и ступы для зерна – всё из дерева. За рекой был глиняный завод. Там покупали кринки, горшки, плошки.»(2,4)

« В деревне Самсонка Костромского района многих спасала корова, потому что зерна выдавали на трудодень всего по 100г. За 350 дней в году выходило только 35 кг. Приходилось собирать травы, мох, грибы. Картофель, оставшийся с осени в поле, весной откапывали, сушили и делали лепёшки, которые прозвали «брамбули». Денег тогда не было. Ходили пешком в Кострому и меняли картошку на сахар, соль, спички.»(19)

«Мы ещё благодарим Бога за то, что жили в такой местности, где земля наша, близ Самети, была очень плодородной, на ней всё росло отменно: и картошка, и капуста, и лук, и огурцы, и помидоры, и горох и репа. Мы всю Кострому кормили своими овощами. У нас в колхозе был породистый скот. Вот мы и работали от зари и до зари, не покладая рук. Тем и питались, что нам земля и наша скотина давала. А хлеба в магазинах во время войны не было. Нам давали зерно на трудодни. Его мололи на мельнице и сами пекли хлеб. Конечно, хлеба досыта не было, больше нажимали на картошку. Нарядов во время войны было у нас немного: простые ситцевые платья, 2-3 юбчонки, кофточка, на выход – сапоги-веночки (хромовые, праздничные), а в рабочие дни – фуфайка, кирзовые сапоги, зимой валенки. Хорошие довоенные наряды многим пришлось поменять на продукты.»(11)

«Питались во время войны, в основном, картошкой, грибами, ягодами. Хлеб пекли из дуранды. Дуранда – это жмых, которым в мирное время кормили скотину.»(7)

«За работу нам на трудодни выдавали понемногу зерна. Поэтому хлеб пекли с мякиной, муку экономили. Весной собирали песты, щавель, летом – грибы да ягоды. Еду матери варили в чугунах, вёдра для воды были деревянные. А орудия труда покупали в городе. Одевались просто. Одежду шили из холста. Летом мы, подростки и детки, бегали босиком, осенью ходили в лаптях, зимой в валенках.»(24)

За ушедших в армию мужчин семьям никаких дополнительных пайков не выдавали. (Все информаторы)

«Детство, опалённое войной.»

Многие из принимавших участие в данном опросе к июню 1941 г. были подростками, а то и вовсе детьми. Они ничем не провинились перед судьбой, просто так сложилось, что самая светлая и беззаботная часть человеческой жизни – детство – у них была украдена войной...

«Деревня Соково Саметского сельсовета была большая, 70 дворов, народу много, особенно ребяташек. Когда началась война, мужчин забрали на фронт, а женщины целые дни работали в поле или на рытье окопов. Поэтому девочкам-подросткам приходилось работать в яслях, нянчиться с маленькими детьми.»(11)

«Были организованы ясли на дому и в Сандогоре. Дети 9-10 лет стали няньками для малышей. О детстве в годы войны говорить не приходилось. Дети были приравнены к старшим. Покупных игрушек, конечно, не было. Самым маленьким из тряпок шили кукол, из дерева вырезали кровати. А кто постарше, помогали по хозяйству и работали в поле: собирали колоски, пололи лён, табак.»(22)

Никаких особых лакомств для детей не было. Их в то время заменяли морковь и свёкла (все информаторы).

«А главным праздничным угощением считались пироги с картошкой капустой или картошкой».(14)

«Как невиданное лакомство воспринимался колотый мелкими кусочками сахар, который был большой редкостью».(7)

«Все наши думы были о еде и одежде. Играть не было времени и сил. Приходили с колхозных работ усталые, голодные. Осенью грибы собирали и то украдкой, т.к. в колхозе было много работы.»(27)

« К началу войны мне было 13 лет, но я уже работал в колхозе как взрослый».(21)

«9 лет от роду я работала в колхозе имени Некрасова Костромского района, не уступая взрослым. Научилась выполнять все крестьянские работы: косила, полола, возила зерно»(28)

«Жизнь, конечно, в войну была нелегкой. Мужиков из нашей деревни Мослово Мантуровского района забрали, остались бабы, детки да старики .Вот и работали. Мы во всем были приравнены к взрослым. Так же ходили на колхозные работы. И на сенокосе помогали, и лен пололи да теребили, и рожь с овсом жали, и картошку копали, а зимой навоз на поля вывозили.»(24)

«В деревнях Губачёвского сельсовета Костромского района дети тоже работали наравне со взрослыми: пахали, сеяли, косили, трудились на лесозаготовках. Вручную приходилось перекапывать колхозные поля, на своих плечах вытаскивать лес с делянок.

Одежда передавалась от старших детей младшим, а в больших семьях верхняя одежда и обувь часто была одна на всех детей. Но дети всё равно оставались детьми и находили время поиграть, например, в лапту.»(3,8)

«Детям в войну приходилось также тяжело, как и взрослым. Они были очень бедно одеты, постоянно хотели есть. Но все равно оставались детьми . Мальчики любили играть в «войну», девочки возились с самодельными куклами. Летом играли в мяч, сшитый из тряпок. Но это касалось только маленьких Кто постарше - помогали по хозяйству.»(18)

«Во время войны Сущевская школа Костромского района работала, дети учились. Помогали они, конечно и по хозяйству, и в колхозе. Но оставалось у них время и на игры. Играли с мячом да самодельными приспособлениями: в лапту, чижику, засуровку.»(21)

«Школа-семилетка работала во время войны и в Сандогоре. В 1943 г. в село были эвакуированы дети из Ленинграда от 6 до 14 лет , всего около 100 человек. Жили они в школе, поэтому уроки проводились в 3 смены. Учеников в классе было много:28-33чел. Школьных парт не хватало, но были сделаны специальные узкие столы, за которыми сидело по 5 человек.

Местные ребята подкармливали эвакуированных: приносили им картошку, огурцы, капусту, молоко, яйца.(9)

«Вспоминая те тяжелые годы, я могу сказать одно: у меня не было детства, война меня его лишила. Так сложилась моя судьба, что прямо со школьной скамьи вышла я во взрослую трудовую жизнь и продолжала трудиться, пока хватало здоровья».(28)

« Кто сказал, что надо бросить песни на войне...? »

Казалось бы, о каких праздниках может идти речь , когда ведёшь рассказ о таких тяжёлых и невесёлых военных годах? Мужчины и молодёжь на фронте, дома только усталые женщины с детьми да немощные старики. Но уж так устроен человек, что не может он только горевать, иначе пропадёт. Не смогли голод и непосильный труд победить русскую деревню. Хоть и значительно опустевшая, она продолжала жить, работать и кормить страну. А в редкие часы отдыха люди собирались вместе, чтобы поддержать друг друга добрым словом и задушевной песней. Правда, так было не везде. Где-то было совсем невозможно и хватало сил только дойти до дома, каждый жил сам по себе. Но жизнь всё же подтвердила правильность древнего изречения: «Горе, поделённое с другом – полгоря, а радость, пережитая вместе – двойная радость». Нельзя победить народ, не забывший свои песни даже в годы самых суровых испытаний.

«В войну в Сандогоре справляли, в основном, религиозные праздники : Рождество, Пасху, Троицу. По этим дням в церкви и служба была. Праздновали в деревнях скромно. Собирались у кого-нибудь из родственников или соседей. На стол собирали у кого что есть: картошку, яйца, капусту, огурцы, пекли пироги с пареной свёклой.»(9)

«Жители деревень Середняковского сельсовета Костромского района ходили в гости в Кострому к родственникам в государственные праздники, а те навещали сельчан в деревенские престольные праздники»(1)

«В Сухоногове, кроме церковных праздников (Казанская, Троица, Ильин день), праздновали посевную, сенокос и уборочную. За столом собирались родственники и близкие друзья. Пели песни под гармошку или балалайку.»(2,4)

«Люди много работали, но находили время и для праздника. В деревнях Губачёвского сельсовета тоже отмечали религиозные праздники, во время которых не только проходили службы в церкви, но батюшка приходил в каждый дом, благословлял и читал молитвы. Из советских отмечали только Майские праздники и «Октябрьскую». Дни рождения ни взрослые, ни дети не отмечали. Иногда ещё женщины собирались, чтобы отметить окончание сенокоса или уборки урожая.»(3,8)

«Назло Гитлеру мы в деревне Самсонка отмечали праздники. У нас был престольный праздник Ильин день. И отмечали его всей деревней. Угощение было самое простое: картошка, огурцы и др.»(11)

«Несмотря на усталость и голод, сообща отмечали в деревнях Красносельского района Рождество, Новый год, Троицу, 1-е Мая, 7-е ноября. Это было своеобразной поддержкой для людей, небольшим перерывом в череде однообразных тяжёлых будней. Приносили, кто что может. Пекли ржаные пироги с капустой, со свеклой. Это было главное угощение. Пили самодельную брагу. Песен пели мало - считали за грех. Песни пели во время работы, поднимая настроение и дух. Самые ходовые музыкальные инструменты - гармонь да балалайка. Бывало, что пели и частушки про войну и Гитлера.»(18)

«В деревне Клестово Судиславского района праздников громко и шумно в войну не справляли. Кто в Бога веровал, ходили в церковь в соседнюю деревню Шахово за 5 км на службу в Пасху и другие церковные праздники.»(14)

«В деревне Мослово Мантуровского района никаких праздников во время войны не справляли. Гармошки и балалайки по домам были, только играли на них мало: некому да и не до веселья было...»(24)

«В деревне Спас Костромского района в праздничные дни работали до обеда, а потом отдыхали. Гулянок никаких не было, все были усталые, которые и с голоду пухли, было не до веселья.»(13)

«В деревне Ивакино Костромского района праздники справляли только религиозные. Собирались возле любого дома, где играла гармошка, плясали, пели песни и частушки: «Мой милый в армии, а я, девушка, в тылу на быках работаю».

Особенно любили праздник Пасху, хотя его и запрещали отмечать. Бригадир в этот день специально заставлял раньше выходить на работу и дольше работать, чтобы не оставалось сил отмечать праздник.»(23)

«В деревушке Деменково Буйского района и в ближайших, храмов не было. Сохранилась церковь только в 12 км. Во время войны священники ходили прямо по деревням, и все, кто хотел, могли заказать молебен за своих близких.» (31)

«И всё-таки самым почётным музыкальным инструментом на селе была гармонь. Не часто, но собиралась молодёжь для проведения свободного времени в избах-читальнях, а в деревне Середняя в сельском клубе проводили танцы под гармошку и пели песни. Особенно любили «Катюшу».(1)

«Пели в Середней и старинные песни, и военные:

...Шёл жестокий бой
Медсестра, дорогая Анюта,
Подползла, прошептала: «Живой...»
И взвалила на девичьи плечи.
И во фляге согрелась вода,
А он бледен и близок к могиле
И чуть дыша диктует слова:
«А жене вы моей напишите,
Что я скуку хочу разогнать,
Что я ранен в правую руку
И письма не могу написать...»(12)

Пели песни и частушки под гармонь да балалайку и в Сандогоре, а также и в прилегающих к ней деревнях:

Из Германии машина	Бабку в армию забрали,
Едет вся разбитая,	А старик-то не упел.
Мне сказали про милого,	Сел на печку, ноги свесил,
Что везут убитого.(9)	Про изменушку запел.(22)

Вышел милый из вагона,
Поздоровался со мной:
- «Здравствуй, милая моя,
Ты узнала ли меня?»
«Я узнать тебя узнала,
Только очень похудал.»
«Дорогая, в лазарете
Три недели пролежал.
А теперь отпустили
На три месяца домой.
Дорогая, в мясоеде
Повенчаемся с тобой.»(22)

«Дружно жили и не унывали и в деревне Шода. На работу и с работы – с песнями. По вечерам женщины и девушки выходили гулять, водили хороводы, пели много старинных песен.»(28)

«Не смотря на трудности, отмечали в деревне Болтаново Сущёвского сельсовета и праздники. В основном - церковные. По такому случаю варили брагу. Но праздновали каждый у себя дома. А общим был праздник после уборки урожая. Тогда собирались всем колхозом, пели песни, плясали под гармошку. А ещё каждую неделю нам привозили кино, хронику и художественные фильмы. Собирались все в каком-нибудь большом сарае, устанавливали киноаппарат и смотрели. Ручку от этого аппарата крутили по очереди. Я вообще удивляюсь на нас, в то время: работали много, питались плохо, порой были полуголодными, а гулянья и веселье, (особенно для молодежи) не прекратились. В каждой деревне был свой гармонист, и мы издалека узнавали, в какой деревне заиграли, ведь у каждого была своя, особая манера, с другими не спутаешь. Я и сам с малых лет на гармошке играл. С песнями да шутками легче всегда в жизни.»(21) В деревне Дьяконово тоже жили с верой в лучшее и распевали частушки о скорой победе: «Из колодца вода льётся, прямо чистый леденец. Красна Армия дерётся, скоро Гитлеру конец!»(26)

«Почтальонка, почтальонка, тяжела твоя сума...»

И был в годы войны человек, прихода которого так же ждали, как и боялись - почтальон. Сколько сердец замирало с надеждой и тревогой при виде его! Сколько плачей и стонов пришлось услышать ему - посланцу неумолимой судьбы! А уж те скупые весточки, которые он приносил от живых, навсегда оставались семейной реликвией, хранимой бережно долгие годы.

«Уже с июля 1941 года приносили похоронки о погибших наших воинах.»(1)

«За военные годы приходилось выполнять много всякой работы. Одно время была почтальонкой. Меня люди ждали. Иду мимо поля, окликают: «Оля, нет ли письма?» - Кому есть, а кому –похоронка...»(13)

«В деревне Ивакино не было ни радио, ни газет. В школу дети не ходили. Единственной радостью была встреча почтальона. Все только и спрашивали: «Где наша Галька-почтальон?» (23)

«Когда с фронта приходили письма, об этом сразу узнавала вся деревня: хорошие вести перелетали от дома к дому, а горькие сами о себе кричали. Женщины плакали, получив похоронку. Многие ходили в церковь и ставили свечи, кто «за здоровье», кто «за упокой».(11)

«Почтальона ждали с нетерпением. При виде его стояли как окамелые, и только крик получивших похоронки заставлял всех очнуться».(12) «Эти крики и плач были слышны далеко.»(9)

«Получив извещение о гибели мужа, я целый день не могла прийти в себя, лежала на полу и плакала. Но нужно было жить дальше, растить и поднимать детей. Работала на всех работах, где хватало сил: ночью пасла лошадей, днём работала подсобной разнорабочей, дома держала корову, коз, овец.»(23)

«Погибших оплакивали всей деревней, а фронтовые письма хранили среди дорогих сердцу вещей, в шкатулках, перевязанные ленточкой.»(3,8) или, завернув в платочек и тоже перевязав верёвочкой или ленточкой, клали на тябло за икону.»(9) Письма-треугольнички той поры и до сих пор хранятся у родственников солдат Великой Отечественной.»(14,18)

«Писем с фронта, конечно, очень ждали. Почтальона всегда встречали и спрашивали, нет ли писем. Встречали и всегда переживали, что принесет, не похоронку ли.»(24)

«Вестей с фронта ждали все. Но ждали и боялись услышать что-нибудь плохое о родных и близких. Поэтому почтальона встречали с нетерпением и тревогой. Полученные с фронта письма берегли, как драгоценность, показывали друг другу, зачитывали, буквально до дыр.

Получив известие о пропавших без вести близких, продолжали считать их живыми и ждали как живых. Многие, получив «похоронки», тоже не хотели смириться со смертью родных и надеялись, что произошла ошибка».(18)

«В первые годы войны часто приходили известия о без вести пропавших. Тогда под Ленинградом без вести пропал мой дядя. У него осталось четверо детей: от 10 лет до 2-х годиков. Семья за него ничего не получала, жила очень бедно».(31)

«Наш отец пропал без вести в 1942 году и за нами началась слежка. Для семьи настали чёрные дни. Даже после войны я никуда не могла устроиться на работу, кроме своего колхоза. Наш сельсовет не выдавал мне справку».(12)

«Радио в деревне не было, все новости узнавали из газет. Почтальон приходил из Сущева. Его ждали с замиранием сердца: больше, чем писем, приходило женщинам похоронок. Очень многие местные жители попали воевать под Ленинград и погибли. Из некоторых семей – по 2-3 человека. Даже если приходило известие о без вести пропавших, считали их погибшими и не надеялись больше увидеть. Хотя был случай, когда жена получила на мужа похоронку, вышла замуж, а муж потом вернулся с фронта. Не стал ни с кем разбираться, куда-то уехал. Да и кого было винить? Только войну...»(21)

«В конторе было радио, по нему слушали о ходе военных действий. Конечно, очень ждали почтальона с письмами. Те, кто получал какие-то известия с фронта, делились с соседями. Вместе радовались, вместе и горевали. Я думаю, что такие добрые отношения между жителями и помогли нам преодолеть все трудности в те военные годы ».(28)

**« Я прошу, хоть ненадолго, боль моя, ты покинь
меня...»**

За годы войны обезлюдели сёла и деревни по всей стране. Стояли они строгие и притихшие: не слышно было привычного крика маленьких детей. Малыши подросли, а новые так и не родились... И только время от времени нарушал скорбную тишину плач от горестных вестей да вопль боли и в то же время, радости, при встрече вернувшихся с фронта покалеченных, но всё же живых, родных...

«За время войны рождаемости в нашей стороне почти не было слышно. А умирали от разных причин : и от старости, и от болезней. Конечно, население поуменьшилось во всех близлежащих деревнях. Из Носкова ушли на войну 25 человек, вернулись 13.

Возвращались с фронта и тяжелораненые, покалеченные. Их встречали также всем миром, очень жалели, особенно молодых и до войны здоровых. Они устраивались сами, как могли. О войне рассказывали много и охотно. При этом проклинали Гитлера и немцев»(18).

«С войны вернулись немногие ушедшие. Здоровых я не помню никого. В основном, раненые, покалеченные. В деревнях после войны народу стало меньше и даже стало как-то тише».(31)

«Раненых к нам в деревню Спас приходило мало. Они плели лапти, в Космынино сдавали на торфопредприятие. Плели корзины, в город на барахолку таскали. Тем и жили. Председатель наш тоже был из раненых.

Из взрослых мужчин погибло 30 человек, 8 живыми вернулись. А парней молодых почти всех прибили. Уж моих лет никого не было, никакого парня».(13)

«За время войны в деревне Мослово Мантуровского района много народу умерло от болезней. А с фронта не вернулось человек 20. Народу стало меньше, особенно мужчин.»(24)

«Вернулся в деревню еще до окончания войны молодой парень без ноги. Но мужчин тогда было мало, поэтому он смог устроить свою дальнейшую судьбу: работал в колхозе, потом уехал в Кострому учиться, женился. А многие мои земляки так и не вернулись с войны. Почти в каждой семье, мало по одному, по двое погибли : мужья, сыновья.»(14)

«Из деревни Становщиково 30 человек не вернулось с войны. А раненых, которые приходили домой, встречали радостно – какой-никакой, а родной...»(10)

«Много ли рождалось детей во время войны? Даже не помню, чтобы в нашей деревне кто-то родился тогда. А вот умерли, погибли многие. В некоторых семьях никто из ушедших на фронт не вернулся. А когда приходили раненые или покалеченные, так им были рады-радешеньки.»(11)

«Все мужчины были на фронте, поэтому женщины стали рожать только в 1943-44 годах, когда стали возвращаться с войны раненые и искалеченные.»(22)

«Их встречали радостно, ведь они остались живы! Кто из них мог, выполнял несложную работу в колхозе. А то работали на дому: катали валенки, делали орудия труда, домашнюю утварь. Но всегда боялись комиссии, которая могла снять инвалидность, поэтому работали тайком и всё изготовленное прятали.

«За годы войны состав населения в деревне изменился: многие мужчины погибли, поумирали старые да больные люди. При заготовке леса и его сплаве часто были несчастные случаи, когда гибли женщины и подростки.»(6)

«Страна отправляла на фронт сильных и здоровых своих сыновей и дочерей. Очень многие из них не вернулись домой. Девушки замужнего возраста остались без женихов и многие из них так и прожили жизнь «старыми девами». В некоторые деревни не вернулись даже калеки.»(3,8)

«День Победы – это радость со слезами на глазах»

И вот, наконец, наступил этот долгожданный день! День, который снился в снах, о котором так мечтали, до которого не все дожили...Каким он был, день 9 мая 1945 года, для простых тружеников сельской глубинки? Каким запечатлён он не в официальных хрониках, а в живой памяти людей, в тылу отдавших «всё для фронта, всё для Победы»?

«День Победы хорошо помню. Было холодно. Брат как раз в отпуск приехал. Я сидела у окна. Дело было к обеду. Смотрю, председатель колхоза собрал всех женщин у часовни. Прямо около нашего дома стояла часовня, очень красивая. Я тоже вышла. Председатель объявил нам, что война кончилась. «Кто жив, придет, счастливые те женщины. Кто погиб – ничего не поделаешь...» Ой, рёву-то было, крику!»(13)

«Об окончании войны, как и её начале, я узнал в поле. Пахал в Акулове. Пришел Николай Иванович Осипов, бригадир тракторной бригады и сказал: «Хочешь, работай, хочешь, отдыхай – война кончилась!»

Я, конечно, пошел домой. Хотелось хоть немного передохнуть, ведь в страду работали без выходных. Потом вернулся отец. Он остался жив. Дошел от Ленинграда до Эльбы, где в составе нашей группы войск встретился с союзниками. Он много и охотно рассказывал о войне. Всех вернувшихся с войны в деревне встречали как героев.»(21)

«9 мая мы увидели из окна своей комнаты, что во дворе ходит множество людей, о чем-то разговаривают, обсуждают. Квартирная хозяйка сообщила нам, что кончилась война. Мы с подружкой от радости закричали и стали, как маленькие, кидаться подушками друг в друга.

В этот день мы хоть и пошли на работу, но не работали. Все собрались в столовой, накрыли стол, купили водки и из глиняных мисок пили за победу. Главный механик МТС на единственной, бывшей в хозяйстве машине, возил нас кататься по большой дороге.»(14)

«Жителей деревни Скрывалово оповестил о победе долгий гудок овощесушильного завода. Учеников на радостях отпустили из школы, отменив уроки.»(3)

«Об окончании войны я узнала в селе Никифорово Красносельского района, где всю войну учила детей. Это раннее холодное майское утро я помню как сейчас. Сгоняли скотину в стадо. Соседка мне на ухо шепнула, что окончилась война. Об этом она узнала от брата-подростка, который ночью прибежал из села Красного в нашу деревню за 25 км, чтобы сообщить радостную новость. Радио в деревне не было. Но время было непростое. Официального сообщения не получено, а вдруг какая-нибудь провокация? И соседка попросила меня пока никому ничего не говорить. Правда, я не удержалась и разбудила мать, сказав ей о победе. Спать мы уже больше, конечно, не ложились. Потом я, как всегда, пошла в школу проводить уроки. Дала задание уче-

никам для самостоятельной работы и вдруг увидела из окна всадника. К седлу его лошади был прикреплен белый флажок. Сердце у меня дрогнуло: значит, не ошибка! Правда – мир! Вскоре прибежал посыльный, и учителя пошли в контору колхоза. Там нам сказали, что войне конец и просили сообщить об этом ученикам. Вы бы видели, что творилось в школе! Дети вскочили на сиденья своих парт и кричали: «Ура! Мы победили!» Уроков больше в этот день не было, детей отпустили по домам. Мне со школьного крыльца долго было слышно, как они с криком «Ура!» бежали до своих деревень.»(18)

«Фронтовики везде встречали со слезами на глазах. Те, к кому вернулись родные, плакали от счастья, а не дождавшиеся своих близких оплакивали горечь потерь. Не все воевавшие спешили поделиться рассказами о своих боевых подвигах, слишком тяжелы были эти воспоминания. Но постепенно, оттаяв душой, они рассказывали, кто где служил и как воевал. При этом ненависти к немецкой нации не было. Только к Гитлеру, его приспешникам и фашистам.»(18,22,3,29)

Изложенные материалы собраны, записаны и обработаны работниками СДК
Костромского района:

1. Голощаповой Л. Б. (п.Никольское)
2. Захаровой О.П. (п.Коряково)
3. Ивановой Г.В (п.Прибрежный)
4. Косенковой В.А. (п.Ильинское)
5. Мартыновой Т.А.(п.Средняя)
6. Никериной О.Н. (п.Прибрежный)
7. Соколовой С.Ф.(с.Сандогора)
8. Трофимовой А.В.(п.Фанерник)
9. Шиповой Т.А. (с.Петрилово)

